

Колягина Т. Ю. Мир детства в «Воспоминаниях» Т. Н. Сухотиной-Толстой / Т. Ю. Колягина // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 191—205. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-191-205.

Kolyagina, T. Yu. (2019). World of Childhood in T. N. Sukhotina-Tolstaya's "Memories". *Nauchnyi dialog*, 9: 191-205. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-191-205. (In Russ.).

УДК 821.161.1Сухотина-Толстая.07+82-94

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-191-205

МИР ДЕТСТВА В «ВОСПОМИНАНИЯХ» Т. Н. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ

© Колягина Татьяна Юрьевна (2019), orcid.org/0000-0003-0995-5439, SPIN 9093-2804, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования и журналистики, бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет» (Сургут, Россия), tkolyagina@yandex.ru.

Статья посвящена анализу мира детства девочки-дворянки в мемуарах старшей дочери Льва Толстого — Т. Н. Сухотиной-Толстой. Показано, что мир детства в «Воспоминаниях» репрезентирован в ряде образов, типичных как для жанра автобиографии (воспоминания о детстве), так и для усадебного метатекста. Среди них автор статьи уделяет особое внимание следующим: пространство детской комнаты, окружение ребёнка (братья и сёстры, знакомые взрослые — родители, воспитатели), организация занятий и досуга, праздники, игры, любимые игрушки, пища и запахи в усадьбе. Доказывается, что в тексте «Воспоминаний» детство описано по законам усадебной идиллии, допускающим противоречия. Так, жизнь ребёнка воспринимается мемуаристкой как самое счастливое время, прожитое «в раю» и ушедшее безвозвратно. При этом детство-рай соседствует с миром смерти (смерть представителей старшего поколения и смерть ребёнка), а также противопоставляется отрочеству («трудные годы») и последующей взрослой жизни («без отца»). Также обращается внимание на то, что взросление героини показано через реализацию мотива «изгнание из рая». Делается вывод о том, что данные противоречия не снимают «райского ореола» с образа детства и воспринимаются мемуаристкой органично, как часть жизни.

Ключевые слова: мир детства; образ ребёнка; автодокументы; эго-документы; мемуары; женская мемуаристика; Т. Н. Сухотина-Толстая; усадьба; идиллия.

1. Введение

Изучение темы детства и образа ребёнка, запечатлённых в многочисленных произведениях русских писателей XIX века, остаётся одним из актуальных и востребованных направлений филологии, психологии, педагогики, культурологии.

Феномен детства исследуется как в художественной, так и в мемуарно-биографической литературе. Именно автодокументальная проза наиболее полно и многогранно репрезентирует мир ребёнка и «детскую сферу» жизни человека. В силу своей специфики этот жанр тяготеет к правдивости и фактографичности, а следовательно, даёт возможность исследователям дополнить образ детства, воссоздаваемый в русской художественной литературе, новыми штрихами, увидеть реальный повседневный мир ребёнка.

Известно, что в жанровый канон воспоминаний в качестве обязательного элемента повествования входит описание детства субъекта, времени, когда формировались его представления о мире, система ценностей, происходили становление и рост личности. Потому обращение к автодокументам в этом ключе кажется нам очень привлекательным, тем более что в современном литературоведении заметно усиление интереса к этим текстам как полноценным самостоятельным художественным произведениям, преодоление взгляда на мемуарно-биографическую прозу как «периферийную» и нехудожественную [Савкина, 2007; Шкляева, 2006].

Актуальным является также и обращение историков, культурологов, литературоведов к женским автобиографиям [Савкина, 1998, Савкина, 2007; Медарич, 1998; Пушкарева, 2000; Пушкарева, 2001; Самофалова, 2015 и др.]. Статус и роль женщины — дочери, жены, матери семейства, её особый «голос», несомненно, наиболее полно и открыто отражают и характеризуют мир ребёнка и саму сферу детства. Изучение темы детства и образа ребёнка в женских мемуарах в этом смысле не вызывает сомнений и подтверждается растущим числом мультидисциплинарных современных исследований в этой области [Пушкарева, 1997; Белова, 2009; Костюхина, 2017; Киселева, 2017; Тепикина, 2017].

До сегодняшнего дня мемуары старшей дочери Льва Толстого рассматривались в литературоведении исключительно как прикладные в плане изучения особенностей личности и биографии писателя. Они всегда считались «правдивыми» (в отличие от литературной репутации мемуаров младшей дочери Толстого Александры), на них опирается официальное толстоведение [Мейлах, 1961; Мейлах и др., 1961].

Одной из первых работ, где сквозь биографию «великого отца» проглядывает интерес к личности самой Сухотиной-Толстой, является предисловие А. И. Шифмана к составленной им публикации «Воспоминаний» Татьяны Львовны [Шифман, 1960]. Но и он, отмечая их «искренность, достоверность и психологическую тонкость», всё же видит основную их ценность в том, что они посвящены Толстому: «об отце, о его образе жизни,

о Толстом в повседневном быту, за работой, в общении с родными, друзьями, с народом» [Шифман, 1960].

Однако «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой представляют интерес и как самостоятельный «текст культуры» (термин Ю. М. Лотмана), и как важный «документ эпохи», запечатлевающий повседневную жизнь ребёнка и дворянской семьи. На сегодняшний день мемуары Т. Л. Сухотиной-Толстой в качестве материала для исследования гендерной антропологии, реконструкции образов женской и детской повседневности привлекаются в работах современных историков культуры [Пушкарева, 1997; Белова, 2009; Тепикина, 2017], однако это точечное упоминание отдельных фраз и эпизодов текста в ряду других, довольно многочисленных источников. Лингвистическому исследованию репрезентации концепта «Семья» (как часть концепта «Детство») в русской и английской мемуаристике посвящена работа Киселевой И. А., в которой автор сравнивает «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой с мемуарами Э. Шарп и воссоздает ассоциативные поля обоих текстов. В работе Е. П. Тепикиной, осуществленной на стыке гендерных исследований женской истории и детской повседневности, изучена репрезентация образа детства в автобиографической прозе русских интеллектуалок второй половины XIX века, на материале мемуаров С. В. Ковалевской, С. В. Скалон, Т. П. Пассек, Н. С. Соханской, Т. Л. Сухотиной-Толстой и др., исследуется феномен женского детства с позиций отражения в них идей эмансипации [Тепикина, 2017].

Нами будут проанализированы первые две части мемуаров Т. Л. Сухотиной-Толстой, посвящённые миру детства девочки-дворянки. При этом под миром детства мы понимаем соединение вещного мира, окружающего ребёнка, повседневной бытовой сферы жизни, и мира духовного, связанного с взрослением и самоидентификацией, осознанием человеком собственного «Я». Применительно к русской дворянской культуре середины XIX века в целом и особенностям яснополянского жизнеустройства, в частности, — это домашнее пространство, детская комната, братья и сёстры, значимые в жизни ребёнка взрослые, организация занятий и досуга, праздники, игры, игрушки, еда и запахи, ассоциирующиеся с детством. Данные образы типичны не только для жанра автобиографии (воспоминания о детстве), но и в целом для «усадебного текста» русской литературы, изучение которого, как известно, является одним из актуальнейших направлений современной отечественной гуманитарной науки [Щукин, 1996; Щукин, 2007; Дмитриева и др., 2002; Доманский, 2006; Жаплова, 2006; Густова, 2007; Попова, 2007; Глазкова, 2008 и др.]. Репрезентированные в «детских главах» мемуаров Т. Л. Сухотиной-Толстой образы дома, семьи, повсе-

дневной жизни и т.д., на наш взгляд, могут быть прочитаны как отдельные канонические элементы так называемого «усадебного жанра» (термин В. А. Доманского): «Философско-эстетическое содержание топосов усадеб задаёт всегда некоторую рамку событийной стороне развития сюжета» [Доманский, 2007, с. 15]. При этом хронотоп усадеб в «детских главах» анализируемых мемуаров мыслится как идиллический (по М. М. Бахтину); в нём «жизнь человека прикреплена к родному дому, ограничена немногочисленными реалиями (любовь, рождение, смерть, труд, еда, питье, возрасты) и неразрывно связана с ритмами природы» [Глазкова, 2008, с. 8], а усадебное время «всегда в прошлом и замкнуто на прошлом, приходит к лирическому герою и персонажу в воспоминаниях о детстве и юности, атмосфере любви, заботы, внимания, царящих в замкнутом, камерном мирке поместья» [Жаглова, 2006, с. 79].

В связи с этим «Воспоминания» Т. Л. Сухотиной-Толстой представляют определенный исследовательский и читательский интерес как один из ярких художественно воплощённых образов дворянского усадебного мира, центром которого является Дом, семья, детство, ребёнок.

2. Домашнее пространство детства

Первую часть своих воспоминаний («Детство Тани Толстой в Ясной Поляне») автор предваряет небольшой преамбулой, в которой настойчиво повторяет мысль о том, что её детство (в сравнении с отрочеством и последующими этапами жизни) — «безоблачная» «счастливая пора» [Сухотина-Толстая, 1960]. Действительно, её рождение и первые 17 лет жизни совпало с семейной идиллией в семействе Толстых, сама Татьяна росла в окружении любви и заботы обоих родителей.

Детство Тани проходило в Яснополянской усадьбе Толстых, в расположенной на первом этаже дома *тёмной, длинной* детской комнате *с каменными сводчатыми потолками и вделанными в них тяжёлыми железными кольцами* [Там же]. Мемуаристка подробно описывает историю как дома, так и самой комнаты: *В те старинные времена комната со сводами не была жилой комнатой, а кладовой для хранения всякого рода провизии...* [Там же]. О внутреннем устройстве своего детского жилища автор сообщает крайне мало: *Комната эта разделена каменным сводом на две части: меньшую и большую* [Там же], меньшая была предназначена для гувернантки, большая — для *старших* детей Толстых — Серёжи, Тани и Ильи. Младшие дети (Лёва, Маша и Петя) жили с матерью в детской на втором этаже. Старшие дети играли всегда обособленно от младших, так как в силу разного возраста имели с ними разные интересы.

Жизнь в детской вместе с братьями и любимой воспитательницей, сменившей не менее любимую няню, описывается мемуаристкой как райское время, полное беззаботного счастья, веселья и чистоты: *Было у меня в жизни и после детства много хороших и счастливых минут, — но то состояние душевной ясности и сердечного спокойствия, которое я испытала при жизни с Ханной в детской со сводами, — никогда уже не повторилось...* [Там же].

3. Значимые взрослые

В числе значимых взрослых, повлиявших на воспитание и становление личности юной Тани, мемуаристка называет прежде всего отца Льва Николаевича Толстого — великого писателя, человека и отца, *головой* яснополянского дома. Весь текст «Воспоминаний» проникнут трогательной боготворящей любовью к отцу, освещён светом его колоссальной личности. Ему в заслугу ставит мемуаристка «руководство» нравственной жизнью своих детей и создание особенных условий, в которых они росли (строгость, простота, естественность).

На втором месте — мать Софья Андреевна Толстая, *душа и сердце* дома, умевшая в этих условиях *украшать* жизнь детей *всеми теми способами, которые были ей доступны* [Там же] (рисовала, шила, мастерила игрушки, следила за хозяйством, кормила младенцев грудью, заботилась о здоровье и материально-бытовой сфере всех членов семьи).

Так, говоря о куклах и игрушках, автор отмечает, что *папа был против всяких дорогих игрушек, и в первое время нашего детства мама сама нам их мастерила* [Там же], а потом благодаря стараниям и хитрости матери *понекому пошла наша жизнь так, как шла жизнь у всех помещиков нашего круга* [Там же]. Именно в этом несовпадении поведенческих стереотипов и образов жизни супругов мемуаристке видится причина их будущего семейного разлада и драмы. Именно на этом противоречии двух жизненных установок, наложивших особый отпечаток на воспитание детей в семье Толстых, строятся «детские» главы мемуаров Сухотиной-Толстой.

Также к кругу «любящих взрослых» автор мемуаров относит няню Марию Афанасьевну и с особенным благоговением вспоминает в числе «главных» лиц, повлиявших на её развитие и становление, англичанку Ханну.

Имя Ханны в «Воспоминаниях» овеяно аурой искренней любви и бесконечной привязанности: *милая; первый человек в мире; никого они (дети Толстых. — Т. К.) так уже любить не будут* [Там же]. В образе Ханны для девочки Тани и мемуаристки Сухотиной-Толстой парадоксальным образом слились черты матери и отца: именно своей гувернантке дети обязаны

уроками душевной мягкости и суровой нравственности, безусловной любви, заботы и непоколебимой верности своему долгу.

Отъезд Ханны в Кутаис для восстановления здоровья и помощи Кузьминским в воспитании дочерей воспринимается Таней (и её матерью) как *конец счастья*. О времени «после Ханны» Татьяна пишет так: *одно из самых мрачных времён моей жизни* [Там же]. *С отъездом Ханны кончилось мое счастливое детство. Прошла навсегда та пора беззаботности, доверия к старшим, безоблачной любви ко всем и ко всему окружающему, которой отличается эта пора жизни* [Там же].

Интересно, что вслед за «уходом» Ханны из яснополянского дома происходит «отселение» самой Тани от братьев из детской комнаты вниз на второй этаж, за которым последовали долгие месяцы одиночества, тоски по прошлому, ощущения неприкаянности: *После веселых игр с братьями и Ханной я была обречена на полное одиночество* [Там же]; *Я чувствовала себя в это время одинокой и несчастной. Мальчики от меня отошли. Я с ними видалась редко. Они жили внизу с Фёдором Фёдоровичем <...> вели с ним разговоры об охоте, ружьях, собаках и лошадях. Меня они в эти разговоры не посвящали, и я не принимала в них участия. Мама я тоже вижу мало: она всегда или за работой, или кормит одного из своих многочисленных детей, или с быстротой молнии строчит что-нибудь на своей ножной швейной машине, или же переписывает какую-нибудь рукопись для папа. О папа и говорить нечего. Он «занимается» по целым дням. А когда он не «занимается», то он усталый и какой-то отсутствующий и нас, детей, мало замечает. Мы, дети, сознавали, что его «занятие» очень важно и значительно, и я понимала, что все мои переживания перед его работой — ничто. Поэтому я никогда не решилась говорить с ним о них. Может быть, если бы я на это решилась и сумела бы рассказать ему про свое душевное состояние, он нашёл бы слова, которые успокоили бы и утешили меня. Но я ревниво замкнулась сама в себе и никому не рассказывала о тяжелых переживаниях, которыми полны были года моего отрочества* [Там же].

В мемуарах события, связанные с отъездом Ханны и «отселением» Татьяны от братьев, воспринимаются не только как конец счастливого детства героини и начало её отрочества, но и как «изгнание из рая». Обратим внимание, что именно с этим периодом, считает мемуаристка, связано появление в её характере пагубных привычек и *дурных манер* [Там же], таких как мрачность, раздражительность, замкнутость, скрытность, лукавство, угрюмость, грубость со слугами, непослушание. До каких масштабов доходило переживание ребёнком одиночества и собственной

ненужности можно лишь догадываться, читая фрагменты мемуаров, где девочку-подростка, лишённую общения и дружеского участия, посещают мысли о собственном сумасшествии, где она общается с воображаемым «другом» и пишет о нём повесть... И при этом — совершенно взрослая оценка себя и ситуации: *Вероятно, мои родители понимали, что я переживаю что-нибудь тяжелое, так как я стала замечать с их стороны бережное и мягкое отношение ко мне* [Там же].

Интересно, что такое же вынужденное «схождение с небес на землю» претерпевает и четырёхлетний брат Татьяны Лёва. Трогательно описывает мемуаристка его «переселение» к старшим братьям на первый этаж, когда после отъезда Ханны для Серёжи, Ильи и Льва был нанят воспитатель Фёдор Фёдорович: *Как сейчас, вижу его маленькую хорошенькую фигурку с золотистыми кудрявыми волосами, стоящую на верху лестницы и упирающуюся, чтобы не сойти вниз...*

— *Я лучше не пойду туда... Я там испорчусь...* [Там же]

Ему, пишет Татьяна Львовна, *хочется подольше сберечь свою душу чистой и нежной и не покидать еще детской, где все дышит лаской, теплотой и невинностью. Но для него колесо жизни не остановилось и не пощадило его детской души. И его заставляют переселиться к большому мальчишам, где он боится «испортиться»* [Там же].

4. Игры и досуг

Интересными страницами мемуаров являются те, которые описывают игры и игрушки детей Толстых. Во-первых, это роскошные большие тяжёлые фарфоровые куклы, которые дарились по особым случаям и не только девочкам (так, у Серёжи была любимая кукла). Они были совершенно неудобны для игр. Так, Татьяна Львовна упоминает, что у кукол, ежегодно даримых ей крёстным, даже при очень бережном обращении разбивались головы, и это очень огорчало детей. Во-вторых, маленькие раздетые фарфоровые куколочки — «единственная игрушка», подаренная Тане «папá», — и оттого ею особенно любимые, бережно хранимые как память об отце. В-третьих, «скелетцы», деревянные неодетые куклы на дощечке, украшаемые и наряжаемые в семействе Толстых в качестве рождественских подарков крестьянским детям (помимо мемуаров Татьяны Львовны, о «скелетцах» мы можем узнать и из одноимённого рассказа Софьи Андреевны Толстой; думается, именно сюжет и детали повести матери легли в основу фрагментов «Воспоминаний» дочери об этих куклах и рождественских приготовлениях в яснополянской усадьбе). В-четвёртых, бумажные фигурки, которых вырезали и раскрашивали сами дети для своих игр (*Часами,*

лежа на животах на полу, мы трое говорили за наших бумажных героев, живя их жизнью и волнуясь их волнениями [Там же]). В-пятых, жаворонки из ржаной муки, которых можно было самим украшать лентами и «возить» за собой на прогулке, а потом, когда размокнут от снега, съесть и т. п. Отдельные страницы мемуаров посвящены воспоминаниям об играх с отцом (бег на популярных в ту пору «гигантских шагах», выдуманная самим Толстым игра в «невидимого ЕГО»), а также об обучении крестьянских детей грамоте в яснополянской усадьбе, о святочных маскарадах с рязанием и плясками, в которых участвовала вся семья и гости Ясной Поляны, о познавательных прогулках с Ханной, изготовлении под её руководством рождественских игрушек и «плум-пудинга», маленьких детских шалостях — обо всём этом мы узнаём из мемуаров Сухотиной-Толстой.

5. Пища

Как известно, пищевые привычки Л. Н. Толстого (вегетарианство, «скромность» и простота предпочитаемых блюд) и его отношение к еде во многом переняли и его повзрослевшие дети. Более того, мы видим, что в пространстве автобиографического текста Т. Л. Сухотина-Толстая сознательно или непроизвольно «копирует» у отца-писателя манеру художественного изображения пищи. Очевидно, что как в повести Л. Толстого «Детство», так и в анализируемых «Воспоминаниях» еда «фиксирует не отношения человека с миром, а отношения между людьми, которые ею опосредуются» [Мотееунайте, 2015, с. 56]. Так, в мемуарах Т. Л. Сухотиной-Толстой гастрономическая сфера детства репрезентирована, во-первых, образами-ощущениями, например, душистой гречневой каши и хлеба с молоком, которыми кормит детей няня Марья Афанасьевна (не по приказу родителей, а по собственному разумению, что дети «недостаточно сыты»); кусочка лакрицы, получаемого детьми от матери или Ханны на ночь; коричневые имбирные прянички — угощение тётки Татьяны Александровны; ржаного жаворонка-игрушки, испечённого сыном яснополянского повара. Всё это казалось в детстве очень вкусным, не устаёт писать мемуаристка. Однако автору важно показать не физиологическое наслаждение вкусом еды, а, с одной стороны, дополнить и завершить портреты близких и любимых людей и утвердить пищевой образ как знак их искренней любви и бескорыстной заботы, с другой. Во-вторых, гастрономическая сфера в «Воспоминаниях» представлена упоминанием шумных весёлых обедов, за которыми собирается вся многочисленная семья Толстых, друзья и гости Ясной поляны. «Обед» здесь выступает не как пища, а как трапеза — «один из знаковых элементов устойчивого и при-

вычного существования», объединения и единения людей, «своеобразный ритуал и событийный центр дня» [Мотеюнайте, 2015, с. 56]. При этом «опоздание к обеду» воспринимается как нечто из ряда вон выходящее; причина опоздания должна быть очень серьезной: травма на охоте или ливень в степи. Также лексема «обед» в тексте мемуаров может обозначать время («после обеда», «до обеда»).

6. Запахи

Несмотря на то, что перед нами описание усадебного детства и усадебного прошлого, «Воспоминаниям» Т. Л. Сухотиной-Толстой абсолютно не свойственны описания ароматов сада. Запахи, ассоциирующиеся у мемуаристки с детством, бытовые, материальные: приятный аромат солода и мяты, исходящий от свежевывмытых полов в коридорах и на лестницах яснополянского дома; запах деревянного масла и кипарисового дерева в комнате тётки Татьяны Александровны; сильный запах псины в жилище *собачьей гувернантки* Агафьи Михайловны; приятный смолистый запах рождественской ёлки; запах мокрого снега и конского навоза, упоминаемый при рассказе о съедобном жаворонке; *свой особенный здоровый и сильный запах <...> открывшейся из-под снега и пригретой солнцем* [Сухотина-Толстая, 1960], тающей земли. В мемуарах «пахнут» сами дети: морозом и полушубками — крестьянские ребятишки, фланелью и детской присыпкой — новорождённые младенцы. Как пишет Е. Купцова, именно с детства с запечатлвшимся в памяти запахом населявших усадьбу вещей и людей «вводится ностальгическая тема утраченного и обретенного ... усадебного рая...», так как именно запахи усадьбы представляют собой «едва ли не единственную возможность физически вернуться в прошлое...» [Купцова, 2003, с. 164].

7. Воспитание и образование

Из мемуаров мы можем черпнуть интересные сведения о воспитании и системе домашнего обучения в дворянском семействе второй половины XIX века. Жизнь Тани Толстой и её братьев и сестёр была отнюдь не праздной: *От девяти до двенадцати с перерывом в четверть часа между каждым часом мы занимались с Фёдором Фёдоровичем (немец-гувернёр, обучавший детей немецкому языку), с англичанкой и играли на фортепиано. В двенадцать мы завтракали и были свободны до двух часов дня. После этого от двух до пяти опять были уроки с мамá по-французски, по-русски, истории и географии и с папá — по арифметике. В пять часов мы обедали и вечером, от семи до девяти, готовили уроки. Два раза в не-*

делу приезжал местный священник учить нас катехизису и священной истории, и два раза в неделю приезжал специально для меня учитель рисования по фамилии Симоненко [Сухотина-Толстая, 1960]. При этом такое расписание было утомительным для детей; именно усталостью, вызванной многочисленными уроками, мемуаристка объясняла своё *состояние полного кретинизма* в конце учебного дня при занятии арифметикой с отцом, и неспособность *серьёзно и энергично* заниматься ещё и музыкой. Занятий не было только в летнее время, когда дети могли много играть, пребывать на свежем воздухе и помогать по хозяйству. Думается, такое домашнее обучение, возможно, менее систематизированное и плотное, было общепринятым в дворянской среде, к которой духовно, интеллектуально и социально принадлежали Толстые.

Именно отцу благодарна мемуаристка за организованную жизнь в Ясной Поляне, где не было места скуке: *При нашем деревенском воспитании мы не успели пресытиться искусственными удовольствиями, а научились любить и ценить жизнь в природе и привыкли находить развлечения в ней и в самих себе. Вряд ли какой-либо городской ребенок поймет то наслаждение, которое я испытывала, найдя после длинной холодной зимы в оттаявшем вокруг березы черном круге земли — первую душистую зелёную травку* [Там же].

Это образец описания усадебного детства, вписанный в «идиллический хронотоп» (по М. Бахтину), «золотая» пора в идеальном месте, где природа и человек слиты воедино, проходят единый цикл от рождения к умиранию, где дети и старики рядом, где смерть мыслится не как трагедия, а как свершение высшего Закона природы. По законам усадебного бытия даже смерть ребёнка воспринимается как *тяжелая ступень в жизни*, которую нужно перенести *без ропота, а с мыслью, что нам нельзя понять, что мы и зачем, и только смиряться надо* [Там же].

Главы о детстве и отрочестве Тани сюжетно оформлены, их движение определяется не только этапами жизни главной героини. Они противопоставлены друг другу как счастье и несчастье, полусознательность — *необъятная область мысли*, беззаботность — заботы, слияние с миром и людьми — период отчуждения и разобщения со всем окружающим, жизнь в раю — метафорическое *изгнание из рая*. Символично в этом смысле и окончание главы об отрочестве, предваряющей переход к главе о взрослой жизни мемуаристики «Друзья и гости Ясной Поляны»: глава заканчивается описанием смерти и похорон ребёнка (умирает братец Петя — воплощение здоровья и жизненной силы). Так символически мемуаристка «хоронит» своё детство, прощается с ним, оставляя для него лишь *зарницы памяти*.

8. Заключение

Итак, анализ «детских глав» мемуаров Т. Л. Сухотиной-Толстой показал, что мир детства в «Воспоминаниях» репрезентирован в ряде образов, типичных как для жанра автобиографии (воспоминания о детстве), так и для усадебного метатекста. Среди данных образов особое внимание мемуаристка сосредотачивает на описании «пространства жизни» (детская комната), окружения ребёнка (братья и сёстры, значимые взрослые — родители, воспитатели), организации занятий и досуга, праздников и будней, игр, любимых игрушек, гастрономических и ольфакторных образов. В тексте «Воспоминаний» детство «встроено» в законы усадебной идиллии, допускающей некоторые противоречия. Так, свои детские годы в Ясной Поляне автор воспринимает как самое счастливое время, прожитое «в раю» и ушедшее безвозвратно. При этом детство-рай соседствует с миром смерти (смерть представителей старшего поколения и смерть ребёнка), а также противопоставляется отрочеству (*трудные годы*) и последующей взрослой жизни (*без отца*). Данные противоречия не снимают «райского ореола» с образа детства и воспринимаются мемуаристкой органично, как часть жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: антропология женской дворянской повседневности в России XVIII — середины XIX веков / А. В. Белова. — Санкт-Петербург : Алетей, 2009. — 530 с.
2. Глазкова М. В. Усадебный текст в русской литературе второй половины XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. А. Фет) : автореферат ... кандидата филологических наук / М. В. Глазкова. — Москва, 2008. — 18 с.
3. Густова Л. И. Трансформация образа усадьбы в русской поэзии XVIII — первой трети XIX веков : автореферат ... кандидата филологических наук / Л. И. Густова. — Псков, 2006. — 18 с.
4. Дмитриева Е. Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. — Москва : Объединённое гуманитарное издательство, 2002. — 528 с.
5. Доманский В. А. Русская усадьба в художественной культуре XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики / В. А. Доманский // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. — 2006. — № 291. — С. 56—60.
6. Доманский В. А. Сюжет и метасюжет усадебных романов И. С. Тургенева / В. А. Доманский // Спасский вестник. — 2007. — № 14. — С. 14—22.
7. Жаплова Т. М. Образ русской усадьбы в поэзии XIX — начала XX века : монография / Т. М. Жаплова. — Оренбург : Издательство ОГПУ, 2006. — 428 с.
8. Киселева И. А. Концепт «Семья» как часть концепта «Детство» и его репрезентация в русской и английской женской мемуарной прозе конца XIX — начала XX вв. /

И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 90—101.

9. *Костюхина М. С.* Записки куклы. Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII — начала XX века / М. С. Костюхина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 302 с.

10. *Купцова Е.* Запахи в усадьбе / Е. Купцова // Ароматы и запахи в культуре : в 2 томах / под ред. О. Б. Вайнштейн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — Т. 2. — С. 134—166.

11. *Медарич М.* Автобиография / автобиографизм / М. Медарич // Автоинтерпретация : сб. статей / под ред. А. Б. Муратова, Л. А. Иезуитовой. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 1998. — С. 5—32.

12. *Мейлах Б. С.* Предисловие : [Дочь Толстого об его уходе и смерти. Воспоминания Т. Л. Сухотиной-Толстой] / Б. С. Мейлах // Лев Толстой : в 2 кн. — Москва : Издательство АН СССР, 1961. — Кн. 2. — С. 237—243.

13. *Мейлах Б. С.* Дочь Толстого об его уходе и смерти. Воспоминания Т. Л. Сухотиной-Толстой / Б. С. Мейлах, Е. В. Толстая // Лев Толстой : в 2 кн. — Москва : Издательство АН СССР, 1961. — Кн. 2. — С. 244—285.

14. *Мотеюнайте И. В.* Еда и чтение ребенка в усадьбе : привычки и проблемы / И. В. Мотеюнайте // Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты : коллективная монография. — Псков : ЛОГОС, 2015. — С. 54—75.

15. *Попова О. А.* Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX — начала XX веков : диссертация ... кандидата филологических наук / О. А. Попова. — Пермь, 2007. — 180 с.

16. *Пушкарева Н. Л.* Женщина в русской семье X — начала XIX веков: динамика социокультурных изменений : диссертация ... доктора исторических наук / Н. Л. Пушкарева. — Москва, 1997. — 357 с.

17. *Пушкарева Н. Л.* У истоков женской автобиографии в России / Н. Л. Пушкарева // Филологические науки. — 2000. — № 3. — С. 62—70.

18. *Савкина И. Л.* Разговоры с зеркалом и зазеркальем : Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Л. Савкина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 440 с.

19. *Самофалова Е. А.* Жанровые признаки семейной хроники в женской мемуарной автобиографической прозе второй половины XIX века : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. А. Самофалова. — Москва, 2015. — 203 с.

20. *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания [Электронный ресурс] / Т. Л. Сухотина-Толстая / сост. А. И. Шифман. — Москва : Художественная литература, 1960. — Режим доступа : http://az.lib.ru/s/suhotinamolstaja_t_l/text_0020.shtml.

21. *Тепикина Е. П.* Репрезентация детства в автобиографических текстах русских интеллигенок второй половины XIX века / Е. П. Тепикина // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных : сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции (14—16 сентября 2017 г.). — Новосибирск : Издательско-полиграфический центр Новосибирского национального исследовательского университета, 2017. — С. 89—94.

22. *Шифман А. И.* Воспоминания дочери [Электронный ресурс] / А. И. Шифман // Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания/ сост. А. И. Шифман. — Москва: Художественная литература, 1960. — Режим доступа : http://az.lib.ru/s/suhotinamolstaja_t_l/text_0010.shtml.

23. Шкляева Е. Л. Мемуары как «текст культуры»: женская линия в мемуаристике XIX—XX веков (А. П. Керн, Т. А. Кузьминская, Л. А. Авилова) : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. Л. Шкляева. — Барнаул, 2006. — 168 с.

24. Шукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы / В. Г. Шукин // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). — Москва : Языки русской культуры, 1996. — С. 573—587.

25. Шукин В. Г. Усадебный текст русской литературы / В. Г. Шукин // Российский гений просвещения : исследования в области мифопоэтики и истории идей. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 606 с.

WORLD OF CHILDHOOD IN T. N. SUKHOTINA-TOLSTAYA'S "MEMORIES"

© Tatyana Yu. Kolyagina (2019), orcid.org/0000-0003-0995-5439, SPIN 9093-2804, PhD in Philology, associate professor, Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia), tkolyagina@yandex.ru.

The article analyzes the world of childhood of a girl-noblewoman in the memoirs of T. N. Sukhotina-Tolstaya, the eldest daughter of Leo Tolstoy. It is shown that the world of childhood in "Memories" is represented in a number of images typical for the genre of autobiography (memories of childhood), and for the manor metatext. Among them, the author pays special attention to the following: space of a children's room, environment of a child (brothers and sisters, significant adults — parents, educators), organization of activities and leisure, holidays, games, favourite toys, food and smells in the estate. It is proved that in the text of "Memoirs" childhood is described by the laws of the manor idyll, allowing contradictions. Thus, a child's life is perceived by the memoirist as the happiest time lived "in Paradise" and gone forever. At the same time, childhood-Paradise is adjacent to the world of death (the death of the older generation and the death of the child), as well as opposed to adolescence ("difficult years") and subsequent adult life ("without a father"). Attention is also drawn to the fact that the heroine's growing up is shown through the implementation of the motif "expulsion from Paradise." It is concluded that these contradictions do not remove the "Paradise halo" from the image of childhood and are organically perceived by the memoirist as a part of life.

Key words: world of childhood; image of a child; autodocuments; ego-documents; memoirs; women's memoirs; T. N. Sukhotina-Tolstaya; manor; idyllic.

REFERENCES

- Belova, A. V. (2009). «*Chetyre vozrasta zhenshchiny*»: antropologiya zhenskoy dvoryanskoy povsednevnosti v Rossii XVIII — serediny XIX vekov. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Dmitrieva, E. E., Kuptsova, O. N. (2002). *Zhizn' usadbnogo mifa: utrachennyy i obretennyy ray*. Moskva: Obyedinennoye gumanitarnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Domanskiy, V. A. (2006). Russkaya usad'ba v khudozhestvennoy kulture XIX veka: kulturalogicheskiye aspekty izucheniya poetiki. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya*, 291: 56—60. (In Russ.).
- Domanskiy, V. A. (2007). Syuzhet i metasyuzhet usadbnikh romanov I. S. Turgeneva. *Spasskiy vestnik*, 14: 14—22. (In Russ.).

- Glazkova, M. V. (2008). *Usadbennyy tekst v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. A. Fet): avtoreferat... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Gustova, L. I. (2006). *Transformatsiya obraza usad'by v russkoy poezii XVIII — pervoy trety XIX vekov: avtoreferat... kandidata filologicheskikh nauk*. Pskov. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2017). Kontsept «Semya» kak chast' kontsepta «Detstvo» i ego reprezentatsiya v russkoy i angliyskoy zhenskoy memuarnoy proze kontsa XIX — nachala XX vv. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 4: 90—101. (In Russ.).
- Kostyukhina, M. S. (2017). *Zapiski kukly. Modnoye vospitaniye v literature dlya devits kontsa XVIII — nachala XX veka*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Kuptsova, E. (2003). Zapakhi v usad'be. In: *Vaynshteyn, O. B. (ed.). Aromaty i zapakhi v literature*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 2/2: 134—166. (In Russ.).
- Medarich, M. (1998). Avtobiografiya / avtobiografizm. In: *Muratova, A. B., Iezuitovoy, L. A. (eds.). Avtointerpretatsiya: Sb. statey*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo SPbGU. 5—32. (In Russ.).
- Meylakh, B. S. (1961). Predisloviye: [Doch Tolstogo ob ego ukhode i smerti. Vospominaniya T. L. Sukhotinoy-Tolstoy]. In: *Lev Tolstoy*. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. 2/2: 237—243. (In Russ.).
- Meylakh, B. S., Tolstaya, E. V. (1961). Doch Tolstogo ob ego ukhode i smerti. Vospominaniya T. L. Sukhotinoy-Tolstoy. In: *Lev Tolstoy*. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. 2/2: 244—285. (In Russ.).
- Moteyunayte, I. V. (2015). Eda i chtenie rebenka v usad'be: privychki i problemy. In: *Russkaya usad'ba: regionalnyye i obshchekulturnyye aspekty*. Pskov: LOGOS. 54—75. (In Russ.).
- Popova, O. A. (2007). *Obraz dvoryanskoy usad'by v russkoy proze kontsa XIX — nachala XX vekov: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Perm'. (In Russ.).
- Pushkareva, N. L. (1997). *Zhenshchina v russkoy semye X — nachala XIX vekov: dinamika sotsiokulturnykh izmeneniy: dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Pushkareva, N. L. (2000). U istokov zhenskoy avtobiografii v Rossii. *Filologicheskie nauki*, 3: 62—70. (In Russ.).
- Samofalova, E. A. (2015). *Zhanrovyye priznaki semeynoy khroniki v zhenskoy memuarnoy avtobiograficheskoy proze vtoroy poloviny XIX veka: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Savkina, I. L. (2007). *Razgovory s zerkalom i zazerkalyem: Avtodokumentalnyye zhenskiye teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Shchukin, V. G. (1996). *Poeziya usad'by i proza trushchoby. In: Iz istorii russkoy kultury. (XIX vek)*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. V: 573—587. (In Russ.).
- Shchukin, V. G. (2007). Usadbennyy tekst russkoy literatury. In: *Rossiyskiy geniy prosveshcheniya. Issledovaniya v oblasti mifopoetiki i istorii idey*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Shifman, A. I. (1960). Vospominaniya docheri. In: *Sukhotina-Tolstaya T. L. Vospominaniya*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. Available at: http://az.lib.ru/s/suhotinamolstaja_t_l/text_0010.shtml. (In Russ.).

- Shklyayeva, E. L. (2006). *Memuary kak «tekst kultury»: zhenskaya liniya v memuaristike XIX—XX vekov (A. P. Kern, T. A. Kuzminskaya, L. A. Avilova)*: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Barnaul. (In Russ.).
- Sukhotina-Tolstaya, T. L. (1960). *Vospominaniya*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, Available at: http://az.lib.ru/s/suhotinatolstaja_t_l/text_0020.shtml. (In Russ.).
- Tepikina, E. P. (2017). Reprezentatsiya detstva v avtobiograficheskikh tekstakh russkikh intellektualok vtoroy poloviny XIX veka. In: *Aktualnyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik materialov Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy shkoly-konferentsii (14—16 sentyabrya 2017 g.)*. Novosibirsk: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr Novosibirskogo natsionalnogo issledovatel'skogo universiteta. 89—94. (In Russ.).
- Zhaplova, T. M. (2006). *Obraz russkoy usad'by v poezii XIX — nachala XX veka*. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU. (In Russ.).